

freien schöpferischen und befruchtenden Austausch im Leben der Völker wieder herzustellen, der angeblich durch die Aufklärung und das Jahrhundert der französischen Revolution verloren gegangen war. Der Präsident eines „Deutschen Wissenschaftlichen Institutes“ sollte daher in erster Linie ein Repräsentant der deutschen Wissenschaft in dem betreffenden Lande sein und hatte zumindest nicht sichtbar auch keine parteipolitischen Funktionen. Hinzu kam auch die Tatsache, dass der Präsident eines „Deutschen Wissenschaftlichen Institutes“ in der Regel ein Fach vertrat, das für das Gastland besonders wichtig war, was sofort an diesen Instituten in Bukarest und Belgrad deutlich wird. So kamen Romanisten in die romanischen Länder, Slawisten in die südslawischen Länder. Somit waren auch die wissenschaftlichen Abteilungen der „Deutschen Wissenschaftlichen Institute“ die wichtigsten, weil hier der Austausch von Professoren organisiert wurde, Vortragsreisen deutscher Gäste, Ausstellungen und auch Konzerte vorbereitet wurden. Die akademische Abteilung der „Deutschen Wissenschaftlichen Institute“ war vor allem für den Austausch zuständig und etwa mit den Aufgaben vergleichbar, die heute dem „Deutschen Akademischen Austauschdienst“ und der „Alexander-von-Humboldt-Stiftung“ zukommen. Die Sprachenabteilung betreute die Deutsch-Lektorate im betreffenden Land, in den meisten Fällen war der Leiter dieser Abteilung ein Universitätslektor für Deutsch, abgeordnet von der „Deutschen Akademie“ in München.

Mit dieser Darstellung wurde ein bisher völlig unbeachtetes Kapitel deutscher Wissenschaftsgeschichte zwischen 1933 und 1945 aufgearbeitet und es ist sicher gut so, dass diese Aufgabe von deutscher Seite übernommen wurde. Gerade in den südosteuropäischen Ländern trifft man heute noch sehr oft eine Scheu, sich mit diesem Abschnitt der europäischen Geschichte zu befassen, auch wenn das eigene Land davon betroffen ist, sei es nun Bulgarien, Rumänien, Serbien oder Kroatien.

Marburg a. d. Lahn

HELMUT W. SCHALLER

ALEXANDER, R.: *In Honor of Diversity: The Linguistic Resources of the Balkans// The Kenneth E. Naylor Memorial Lecture Series in South Slavic Linguistics*, No. 2. Columbus, Ohio (USA), 2000. 116 p.

Департамент славянских и восточноевропейских языков и литератур Государственного университета в Огайо, США продолжает проведение ежегодной лекции в память о профессоре Кеннете Нэйлоре и публикацию ее текста в особой издательской серии под редакцией проф. Брайэна Джозефа. Вслед за проф. Чикагского университета Виктором Фридманом, первым прочитавшим свою лекцию в 1998 г. и издавшим ее в 1999 г. под названием „Linguistic Emblems and Emblematic Languages: On Language as Flag in the Balkans“, в 1999 г. право прочтения лекции получила Ронелл Александер, известный специалист по южнославянским языкам и литературе, профессор Калифорнийского университета в Беркли. Уже докторская диссертация Р. Александер „*Torlak Accentuation*“ (München, 1975), посвященная акцентуации восточносербских и северномакедонских диалектов и блестяще выполненная под руководством великого сербского лингвиста Павла Ивича, поставила автора в ряд выдающихся

специалистов в области южнославянской диалектологии. В последние годы Ронелл Александер концентрирует свои исследовательские усилия на изучении болгарских диалектов и планирует совместно с Владимиром Жобовым (Софийский университет, Болгария) издание монографии „Revitalizing Bulgarian Dialectology“.

Лекция была прочитана высококвалифицированным специалистом в достаточно редкой для западной славистики области. Текст, написанный в жанре обзора проблематики и достижений южнославянской диалектологии, хотя по содержанию и уже заявленного в заглавии (речь в нем не идет о неславянских балканских языках и диалектах), тем не менее заслуживает самого пристального внимания уже хотя бы потому, что он взрывает рамки традиционных и узко понимаемых «национальных» (словенской, хорватской, сербской, македонской и болгарской) диалектологий, рассматривая их как компоненты интегральной дисциплины.

Рецензируемый печатный вариант лекции Александер содержит 65 страниц текста (с 20-ю картами) и 51 стр. библиографии по южнославянской диалектологии, в которой учтены лишь цитировавшиеся в тексте работы (по всей видимости, не менее 1100 единиц!).

Лекция включает следующие разделы: „Введение“ (с. 1–2), „Диалект и язык“ (с. 2–6), „Диалектное членение и политические границы“ (с. 7–23), „Южнославянская диалектология: цели и методология“ (с. 24–28), „Южнославянская диалектология: обзор достижений (с подразделами *первые результаты; 1875–1918, 1918–1945, 1945–1969, 1970–1989, 1989-настоящее время*)“ (с. 29–61), „Будущее диалектов: эксперимент“ (с. 61–63), „Заключение“ (с. 63–65).

Во „Введении“ подчеркивается, что в отличие от В. Фридмана, посвятившего свою лекцию теме, волновавшей К. Нэйлора в последние годы его деятельности, Р. Александер обращается к вопросам диалектологии, с которых К. Нэйлор начинал свою карьеру в середине 1960-х годов (известна его неопубликованная диссертация 1967 г. по сопоставительному анализу субстантивного словоизменения в чакавских диалектах, литературных сербохорватском и русском языках). В центре внимания оказывается само диалектное разнообразие на Балканах и его ценность не только для науки, но и для мира в новом веке. Автор различает два круга проблем:

„One of these issues, the emblemization of dialectal diversity, is a fact of political, social and cultural history which makes reference to linguistic differentiation. The other issue, the importance and the implications of dialectal diversity taken in its own right, concerns a set of linguistic facts and interpretations which has cultural and social (and perhaps even political) ramifications of its own“ (с. 2).

Соответственно выделяются и две содержательные части лекции: первая посвящена тезису о несовпадении языковых (диалектных) и политических границ, вопросам определения понятий языка, диалекта и диалектного членения (с многочисленными картографическими иллюстрациями), вопросам политико-, социо- и внутрилингвистического описания южнославянского языкового пространства; вторая часть посвящена обсуждению набора лингвистических фактов и интерпретаций, т.е. вопросам южнославянской диалектологии как

собственно лингвистической дисциплины с ее целями и методологиями, связями с балканским и южнославянским языкознанием, ее реализацией в трудах основных специалистов. В заключении ставится вопрос о будущем диалектов и возможности для них в перспективе выполнять какую-либо иную функцию помимо эмблематической.

Отмечая в разделе „Диалект и язык“ синонимичность терминов «язык» и «диалект», равно обозначающих „a self-contained, internally consistent speech system which serves the communicative needs of a particular community“ (с. 2), Р. Александер обращает внимание на то, что «язык» обычно ассоциируется с национальной или этнической группой, а также с некоторой степенью нормативности (кодифицированной или имплицитной). «Диалекты» же обычно характеризуют в терминах отклонения или подчиненности как „forms of a language which deviate from the standard“ (с. 3); определяются они обычно в терминах региональных или географических. Далее подчеркивается значение диалектных форм речи для изучения истории языка и типологии. В целом верные дефиниции Александер могут быть дополнены в частности, что ни в коей мере не умаляет достоинств лекции. Так, полагая, что „Whereas conformity to a norm is the essence of a standard language, variation is the essence of its dialects“ (р. 4) и видя в диалекте маркер «своего» и «чужого», автор несколько упускает из виду вариативность литературных (стандартных) южнославянских языков, например, сербского с его западной и восточной нормой (не говоря уже о вариативности таких балканских литературных языков как албанский или новогреческий). Справедлив подход автора к южнославянскому языковому пространству как к лингвистическому континууму, сопоставимому с континуумом «фризский» – «нидерландский» – «немецкий», на который может наслаиваться позднее политическое членение территории. Верны также критические замечания о применимости такого критерия разграничения языков и диалектов как «взаимопонимание».

Любопытна и оригинальна трактовка Р. Александер известной полусерьезной дефиниции «язык есть диалект с армией и флотом» не в том смысле, что носители диалекта, обладающие государственностью и ее военными атрибутами, могут «безнаказанно» именовать свой идиом «языком», а в том смысле, что лингвисты обладают возможностью целенаправленно выбрать из массы диалектов один, достойный произведения в ранг «стандартного языка», и снабдить его артиллерией нормативных грамматик, словарей и правил орфоэпии (случай стандартизации сербского литературного языка Вуком Караджичем).

Подчеркивая функциональную эквивалентность диалекта и языка, Р. Александер указывает на необходимость одинакового полного описания обоих на всех языковых уровнях. При описании же территориально-языковой вариативности в центре внимания оказываются дифференциальные признаки, могущие быть картографированными. Не следует, однако, проводить слишком резкой грани между подходом к диалекту как к отдельной лингвистической единице (системе) и лингвогеографическим подходом к диалектной дифференциации, оперирующим понятием изоглоссы и реже «пучка изоглосс».

Раздел „Диалектное членение и политические границы“ открывается картой, объединяющей две знаменитые карты Павла Ивича из его „Die serbokroa-

tischen Dialekte“, 1958, представляющие основные изоглоссы, релевантные для членения южнославянского ареала; дается и современная политическая карта Балкан. Ивичева карта, к сожалению, претерпела в редакции В. Фридмана и Р. Александер некоторые изменения к худшему, например, в легенде. Области распространения картографируемых явлений дефинируются у Ивича как «к западу от линии», у В. Фридмана и Р. Александер добавлено «к северу и западу от каждой изоглоссы обнаруживается следующая черта», что оправдано в случае изоглоссы I „The 3. Pl. poss. pronoun is *njih-* (and not *tehn-* or *tjabn-*)“, но вводит в заблуждение в случае изоглоссы 2 и С (где картографируемое явление в Приморье и Далмации обнаруживается как раз к югу от изоглоссы). Также невниманием составителей объясняется ошибочная формулировка изоглоссы D „There are no 1–2 pl pronominal clitic object pronouns (*ni, vi* or *ne, ve*)“, отличающаяся от Ивичевой, в сущности, только переносом скобки влево (ср.: „gibt es im Pl. nicht die pron. Enklitika *ni, vi* (bzw. *ne, ve*)“, но в результате создающая ошибочное представление об отсутствии к западу от этой линии клитических форм личных местоимений 1 и 2 л. как грамматической единицы в целом.

Все следующие карты составлены самой Ронелл Александер и охватывают территорию всех южнославянских государств (но не южнославянскую языковую территорию, компактно включающую в себя словенские говоры в Италии, Австрии и Венгрии, хорватские в Австрии, Венгрии и Румынии, сербские в Венгрии, Румынии и северной Албании, македонские в Албании и северной Греции, болгарские в Румынии и северной Греции); странным образом автор, посвятивший много внимания вопросам несовпадения политических и языковых границ, упустил из виду внутрилингвистическую иррелевантность внешних политических границ южнославянских областей.

Карты 3–14 отражают области географического распространения рефлексов **ě*, **ǫ*, **tj*, **dj*; карты 15–17 – постпозитивного артикля, тройного постпозитивного артикля, совпадения флексии локатива и аккузатива м.р. ед.ч. и различения падежа места и направления; карты 18–20 – области наличия тонических различий в долгих слогах, различения долготы гласных, фиксированного пропарокситонического ударения. К сожалению, в лекции в целом очень незначительное внимание уделяется «Общеславянскому лингвистическому атласу (ОЛА)», работы над которым ведутся уже в течение более чем 40 лет и который несомненно следует рассматривать в качестве наиболее значительного достижения славянской (и южнославянской) лингвогеографии и ареальной лингвистики (см., например, с. 45 и сноски 123 и 159). Несомненно, данные ОЛА существенно бы обогатили анализируемый раздел лекции (особенно если принять во внимание наличие уже опубликованных отдельных томов о рефлексах «ятя» и носового заднего ряда с десятками аналитических и со сводными картами каждый) и позволили бы автору представить на своих картах лингвистическую реальность с гораздо меньшей степенью огрубления. Кроме того, некоторые структуралистские обобщающие решения, предложенные в ОЛА, существенно бы обогатили картину фонетических характеристик южнославянского ареала. Частности затрагивают такие критические замечания как отсутствие выделения ареалов говоров с «ятем», сохраняющим фонологическую самостоятельность из «экавского» ареала (карта 5, ср. сноску 16), а также

спорность дефиниции рефлекса **o* как «sound -o-», например, для болгарских родопских говоров, где рефлекс носового заднего ряда – фонологически самостоятельное широкое *o* (карта 9). Неполон список форм постпозитивного артикля в описании карты 15 (например, можно подумать, что и у существительных среднего рода артикль во мн.ч. имеет форму *-me*, а не *-ta*; не упоминается артикль существительных мужского рода во мн.ч. *-tu*). Лингвистическая ситуация, верно отраженная на карте 17 (со ссылкой на нашу работу 1988 г.), упрощенно дефинируется как „the loss of the distinction between locative and accusative cases“ (с. 20), в то время как для западной части территории картографируемого явления следует говорить о синтаксическом явлении вытеснения локатива аккузативом в строго определенном круге предложных конструкций (при предлогах *o* и *pri* локатив в этих говорах сохраняется как особая морфологическая категория, противопоставленная не только аккузативу, но и другим падежным формам). Неверно для русского и сербского языков, что «большой юс» „was given modern representations corresponding more to its actual pronunciation at the same time as *jat*‘ in the different countries which use Cyrillic writing systems“ (с. 14). В заключение раздела автор приводит ряд аргументов в пользу графического представления лингвогеографических фактов способом заливки.

В целом, вся эта часть лекции, характеризующаяся существенными упрощениями материала, по-видимому, в целях его более удобной графической презентации и облегченного восприятия неспециалистами, может послужить хорошим наглядным пособием для студентов, начинающих интересоваться вопросами южнославянской диалектологии.

Обсуждая „Цели и методологию южнославянской диалектологии“, Р. Александер справедливо подчеркивает необходимость оперировать обширными сведениями о большом числе диалектов на по возможности большой территории, необходимость стандартизации диалектологических методов и совместности собранных различными исследователями данных, необходимость публикации необработанных данных с целью сделать возможной их объективную верификацию. Целей диалектологии, по Александер, две – описание и классификация.

„Description of dialectal data makes the facts of dialectal diversity available, either in detailed localized terms or in broad comparative terms (and preferably both); and the process of classification of this data, through which the broad expanse is divided up into the most obvious sub-groupings, allows one an overview of the basic lines of differentiation and serves as an orientation for further study“ (с. 24).

Диалектологические сведения могут использоваться в общем (прежде всего типологическом) и историческом языкознании, а также при изучении языкового варьирования. В дополнение к изложению Р. Александер, думается, следует добавить, что данные южнославянской диалектологии – существенный и необходимый компонент для изучения исторических отношений между славянским Югом, Западом и Востоком и исследования истории формирования современной лингвистической карты славянства, а также для ареально-типологических штудий в области альпийской и средиземноморской лингвистики,

карпатистики, лингвистической балканистики и даже евролингвистики, не говоря уже о такой традиционной области исследования как вопросы соотношения «стандартного» и «диалектного» в речи носителей литературных южнославянских языков.

Из частностей этого раздела следует, возможно, отметить две: на примере «македонского вопроса» автор иллюстрирует инструментализацию данных диалектологии в политических целях; говоря о методах сбора диалектного материала, автор выступает за замену термина «информант» выражением „native consultant“ (с. 27, сноска 46).

Центральное место в лекции занимает био-библиографический обзор достижений южнославянской диалектологии, в которой ведущую роль играли и играют, разумеется, сами южнославянские исследователи. Не претендуя на исчерпывающую полноту и отчетливо сознавая некоторую субъективность своего обзора, Р. Александер, тем не менее, удачно комбинирует информацию о частных описаниях, обобщающих классификациях и организации исследований, давая верную и в деталях, и в обобщениях картину для каждого из выделяемого ею периода развития дисциплины в целом. По понятным причинам автор не мог исчерпывающе осветить историю развития южнославянской диалектной лексикографии, заслуживающую отдельного монографического исследования. Не имея возможности останавливаться на многих деталях, отмечу, что в лекции значительное внимание уделяется критическому анализу дискуссий по наиболее существенным вопросам южнославянской диалектологии, имевшим место в каждый из периодов (например, о месте чакавских и кайкавских диалектов (с. 32, также 47–48), открытие т.наз. «чакавского акута» (с. 33–34), «македонский и восточносербский вопрос» (с. 32, 36–37, 49–52), вопрос о «восточнобоснийском диалекте» (с. 48) и др.), причем часто критически рассматривается и политический компонент каждой из таких дискуссий. Совершенно справедливо самым лестным образом квалифицируется научная деятельность трех «старейшин» южнославянской диалектологии – Павла Ивича, Божидара Видоеского и Стойко Стойкова – в послевоенный период (с. 38–46). Особое внимание уделяется развитию структуралистских методов в диалектологии, а также вопросам составления национальных диалектологических атласов. Для русского читателя, разумеется, небезынтересно будет ознакомиться со вкладом соотечественников в изучение южнославянских диалектов, достаточно полно отраженным в лекции.

Обсуждая „Будущее диалектов“ и переходя к „Заключению“, Александер полагает, что опасность вытеснения диалектов литературным языком сильно преувеличена. Даже и процессы их исчезновения вследствие миграции сельского населения в города не представляются ей угрожающими: „In general ... very few rural areas have been completely depopulated“ (с. 61); это не касается, правда, территорий, подвергнувшихся «этническим чисткам» в ходе последних преступных войн на Балканах. Свой ответ на вопрос:

„What keeps dialect alive? The simple answer is that they are valued by those who continue to speak them“ (с. 62). „They survive because a dialect that affirms one’s identity and one’s roots allows one to hold on to who he is and to keep his inner balance“ (с. 63),

Р. Александер подтверждает недавними экспериментальными наблюдениями над речевым поведением носителей восточноболгарского говора г. Трявна. Кроме того, сохранение диалектной мозаики во всех южнославянских странах говорит о том, что говорящий, гордясь своей формой речи, сознает ценность диалекта не только для себя, но и для своего соседа.

„Dialect speakers take it as given, that everyone has his own dialect and that each has a right to his own dialect: the existence of one dialect presumes the existence of many other dialects, and all are accepted“ (с. 64).

Соглашаясь, в принципе, с этим обобщением, все же отмечу, что разные диалекты обладают совершенно разным уровнем престижности среди говорящих в пределах одного языкового сообщества (что не сводится к отмеченному Александер явлению более высокой оценки собственной формы речи по сравнению с формой речи непосредственных соседей), причем этот уровень престижности далеко не всегда имеет под собой собственно лингвистические основы (например, близость диалекта к стандарту или удаленность от него), часто базируясь на экстралингвистических факторах (политический, экономический статус региона, психофизиологические особенности населения и т.д.).

Заканчивается лекция указанием на важность сохранения традиции вообще, на ценность традиционного знания и на необходимость сохранения *разного*. Политически релевантный вывод гласит: „Language can be flag, but it need not be. The choice between annihilating the other, and accepting the other as one's equal neighbor, can still be made“ (с. 65), что опять возвращает нас к теме, заявленной Виктором Фридманом в первой лекции в память о проф. Кеннете Нэйлоре.

Смею надеяться, что высокопрофессиональное лингвистическое и ангажированное гуманистическое выступление такого крупного специалиста как Ронелл Александер не только поможет верной ориентации читателей в сложнейшей мозаике языковых отношений в южной Славии, но и привлечет в область южнославянской диалектологии новые поколения исследователей, и не только американских.

Marburg

ANDREJ N. SOBOLEV